

УДК 130.2

НАСИЛИЕ И ТЕХНИКА. ОТ ОРГАНОПРОЕКЦИИ К НАСИЛИЮ ВЗГЛЯДА**С.Н. БОРИСОВ
В.Ю. МИШЕНИН***Белгородский государственный
институт искусств и культуры**e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема соотношения насилия и техники. Техника рассматривается как инструмент насилия и как отчужденный результат деятельности человека, который носит угрожающий характер. В последнем аспекте насилие техники раскрывается как насилие взгляда, а значит символическое насилие. Этот аспект раскрывается через обращение к идеям С. Жижека, Дж. Агамбена, Д. Камиера.

Ключевые слова: насилие, техника, человек, культура, символ, миф.

Историю взаимоотношений человека и техники в разрезе проблемы насилия можно зафиксировать двояким образом, поскольку уже у Платона мы можем найти на нее намек, а в полном смысле этого слова концептуализацию связи указанных трех (человека – насилия – техники) в алармистских настроениях первых теоретиков философии техники в XIX веке. В самом общем виде результат концептуализации человека и техники может быть сведен к нескольким вариантам. Техника как восполнение неполноты человека, компенсация его несовершенства, и техника как продолжение его органов, столь же естественное, сколь и необходимое. Но также понимание техники как чужого, искажающего природу человека, некое угрожающее «неживое». Причем одни трактовки, подчас вытекают из других, соотносясь как причина, и следствие, поскольку необходимость «дотройки» человека обуславливает поиск способов, то есть техники, а ее необходимость распознается, в том числе как насилие.

Момент насилия здесь очевидным образом исходит из 1) самой природы человека, как в случае с мифом о кольце у Платона, поскольку техника дает преимущество, инструмент для реализации «дурной» природы человека; и 2) из процесса объективации и отчуждения, самостоятельности техники, которая настолько совершенствуется и становится автономной, что начинает угрожать создателю. Насилие здесь созвучно метафорам потери контроля над созданным, которое превышает самого создателя, что не раз было обыграно в кинематографе.

Однако вне споров о противостоянии природы и культуры, культуры и цивилизации¹, жизни и техники возможна постановка вопроса о природе человека, раскрывающейся в феномене технике, технике, которая «говорит» о человеке нечто такое, что сам человек скрывает или избегает. О том, что это нечто имеет отношение к насилию, сообщает уже приводимая нами «история с кольцом», рассказанная Платоном в Политике. Техника не только дает преимущество или является средством, но раскрывает сущность человека. Уже в этом смысле она действительно не является «просто» средством, а уже несет некую «печать» насилия².

Как показывает Л. Мамфорд, генетически возникновение человека и возникновение техники неразрывны, поскольку сублимация психической энергии вела к возникновению культуры через разнообразные «биотехники», из которых собственно изготовление технических приспособлений было лишь частью обширного комплекса: «Культурная «работа» с необходимостью получала приоритет по отношению к ручной. Для новых видов деятельности требовалось гораздо больше, чем просто дисциплина рук, мускулов и глаз, необходимая при изготовлении орудий труда и пользовании ими, хотя такая деятельность также оказывала человеку неоценимую помощь; кроме того, новые типы рабо-

¹ См. концепции О. Шпенглера и А. Тойнби.

² О технике как потенциальной угрозе, не нейтральности техники как средства пишет Гаяно Тавризян. См.: Тавризян Г.М. Философия XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.

ты требовали контроля над всеми естественными функциями человека, в том числе, над органами выделения, бурными эмоциями, беспорядочной половой жизнью, кошмарными или сладострастными сновидениями... По сути дела, изготовление инструментов представляет собой лишь малую часть биотехники, способствующей полному оснащению человека для жизни»³. Человек через присвоение энергии, создание принципиально новых механизмов, которые Мамфорд определяет как «биотехники», создает себя. Этот сложный процесс затрагивал не только символизацию реальности, изобретение таких техник или практик символизации, но и собственно техники. В настоящее время техника воспринимается отдельно от культуры, в том числе и в разнообразных категориях, таких как вещь и символ, живое и неживое, материальное и идеальное, парадигмы технического и гуманитарного, собственно даже как полярные пространства технического и символического, хотя еще в античности такого деления не было⁴. В этом смысле техника встает в один ряд наряду с другими феноменами «жизненного мира» человека и неотделима от культуры. И точно также как энергия агрессивности кодируется в насилие, через процедуры символизации возникает в культуре, являясь ее неотъемлемой частью (в этом смысле насилие является культурным насилием), насилие воплощается в техне (τέχνη), собственно технике войны, оружии, но также в воинских искусствах, которые необходимо рассматривать в совокупности как «машины войны».

Делез и Гваттари в «Анти-Эдипе», как мы показали, достаточно рассмотрели этот аспект. Но также следует отметить, что существует еще один важный аспект восприятия техники, касающийся проблемы человека и насилия уже не столь очевидным образом. Сфера так называемых «технических медиа», информационных технологий, масс-медиа, компьютеров и интернета скорее периферийна для традиционных размышлений о технической угрозе и насилии. Вместе с тем, мы постараемся показать, что медиа-технологии/техника даже более метафизичным образом касаются проблемы насилия.

Прежде всего, отметим тот факт, что задача определения медиа как техники будет совпадать с задачей определения ее отличия или специфики. Медиа-техника может определять как вся совокупность технических устройств для передачи информации. Именно в передаче информации состоит ее основная функция и этим она отличается от всей остальной техники. Собственно само название, медиа раскрывает этот смысл, говоря о передаче или посредничестве. Маршал Маклюэн в своих работах⁵ акцентировал именно эту сторону, говоря о посредничестве как подавляющей характеристике медиа, что в своей «сильной» форме отражено в его известном выражении «медиум есть сообщение». «Сильным» здесь представляется некая абсолютизация функциональности медиа, сведенной к передаче сообщения. Это представляется некоей единственно возможной поверхностью медиа-техники и лишением ее содержательного плана, самого содержания сообщения, значение которого в расчет не берется. Кроме того, Ф. Киттлер⁶ фиксирует еще один возможный вывод из формулы Маклюэна, говоря о соотносительности медиа с другими медиа, как содержанием друг друга и, отметим, тем самым исключая человека, ведь именно последний связан с необходимостью смысла.

Если принять это положение, дополнив его тезисом о том, что развитие техники происходит вне собственно необходимых и естественных потребностей человека, которые давно были удовлетворены на ранних ступенях развития техники, а усложняясь в соотношении с самой собой, то элиминация человека как значимого элемента системы выглядит вполне логичной. Роль человека как создателя или генератора информации здесь не отрицается, но само внимание на внешнем для человека характере техники является концептуально продуктивным. Ф. Киттлер пишет об этом следующим образом: «... если мы проанализируем развитие частичной системы медиа во всей исторической широте..., то будет напрашиваться подозрение как раз о противоположном: о том, что технические инновации – например, согласно модели военно-стратегической эскалации – соотносятся лишь друг с другом и реагируют одна на другую, так что именно из этого собственного

³ Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001. – С. 14-15.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004. – С. 341-348.

⁶ Киттлер Ф. Опгические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009. – С. 25.

развития, протекающего совершенно независимо от индивидуальных или коллективных человеческих тел, впоследствии возникает подавляющее воздействие на органы чувств и органы как таковые»⁷. Тем самым человек не является субъектом техники, но соотносится с ней как испытывающий воздействие на свои органы чувств. Медиа, к которым мы относим традиционные телевидение, радио, а в настоящее время интернет во всем многообразии его возможностей, с этим следует согласиться, действительно носит характер воздействия на органы чувств.

В более общем виде Киттлер говорит о исторически существующем отношении между медиа и телом, причем совершенно необходимом человеку уже не с позиции орга-нопроекции, как продолжение его тела, а как модели самопонимания. Причем самопонимание осуществляется посредством «подмены», «подтасовки самопонимания», поскольку медиа воспроизводят мир искаженно. В этом положении Киттлера открываются две перспективы, собственно антропологическая, состоящая в вопросе о необходимости для человека техники как модели человека через «ниспровержение чувств»; а также та, которую можно назвать скорее онтологической, поскольку она связана с мнимым, симулятивным характером «продуктов» или результатов работы медиа.

Собственно Киттлер останавливается на первой, привлекая для ее объяснения понятийный аппарат структурного психоанализа Ж. Лакана. Прежде всего, он говорит о стадии зеркала, которая является неотъемлемым этапом формирования человека, его сознания. Напомним, что стадия зеркала у Лакана связана с тем этапом формирования психики ребенка, когда собственная целостность буквально конструируется им с помощью распознавания своего отражения. Самоопределение, самоидентификация в качестве самости на этом этапе происходит в регистре воображаемого, то есть видимости. Именно видимость, изображение есть «мостик» который перебрасывает Киттлер от медиа к человеку. Собственно это и есть воздействие на органы чувств. Причем лакановская трактовка образа в стадии зеркала имеет значение ложного образа целостности, которой еще нет, тем самым это искажение, которым является также искажение, даваемое медиа. Так образы, рождаемые кино, наиболее полно подходят для иллюстрации этой идеи в том смысле, что зритель не сталкивается с реальностью в виде самого актера как человека, а видит именно образ.

Другой регистр – символическое, связан с построением более фундаментального опыта человека, вовлеченного в символический порядок реальности в дальнейших многообразных процессах вхождения в культуру в ее широком смысле. Медиа, прежде всего в своей ипостаси кинематографа, предстает перед нами средством трансляции, передачи этого символического порядка. Но также дает возможность его изменения, воздействия на человека. Наиболее очевидно, что это может быть изменение содержания символического, что есть манипуляция. Но также то, что В. Беньямин раскрывал через понятие ауры объекта. Техническая воспроизводимость объектов в современном искусстве, то есть медиа, «выводят редуцируемый предмет из сферы традиции», то есть сложившегося порядка символического, а также «приближают репродукцию к воспринимающему ее человеку»⁸. В этих двух аспектах взгляд человека принципиально отличается от взгляда кинокамеры, как показывает Беньямин именно в отношении к традиции. Медиа деструктивны, сущностно насильственны в своем воспроизведении, то есть функционировании, построении образа реальности. Эти же трансформации открывают возможность манипуляции, о которых мы говорили выше, как пишет об этом Беньямин, в искусство (добавим и технику как ее материальный носитель и инструмент) вторгается политика: «... в тот момент, когда мерило подлинности перестает работать в процессе создания произведения искусства, преобразуется вся социальная функция искусства. Место ритуального ос-

⁷ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009. С. 24.

⁸ Мы заковычили несколько измененные формулировки Беньямина поскольку они изменены только в окончаниях. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 196.

нования занимает другая практическая деятельность: политическая»⁹. Примером может служить развитие кинематографа в советской России 20-30-х гг. XX века¹⁰.

Возвращаясь к идеям Киттлера и регистрам лакановской концепции психики, остается еще один уровень, а именно реальное. Статус реального в соотношении с медиа мы не беремся пересказывать и потому позволим себе процитировать Киттлера в этом значимом моменте: «Как *le réel* определяется то и только то, у чего нет ни гештальта, как у воображаемого, ни синтаксиса, как у символического. Иными словами, реальное выпадает из комбинаторных порядков, так и из процессов оптического восприятия, но как раз поэтому... поэтому-то его и могут запоминать и обрабатывать лишь технические медиа»¹¹. Прежде всего, отметим, что к этому тезису Киттлера стоит отнестись более чем осторожно. Поскольку сначала необходимо уточнить понятие реального у Ж. Лакана, а потом сделать вывод о возможности его «запоминания» и «обработки» медиа-техникой. Поскольку опыт реального определяется Лаканом как травматичный, то реальное, которое фиксируется кинематографом также должно носить такой характер. По этому поводу уместно снова привести слова Бенямина о том, что кинематограф открыл область визуального-бессознательного, которое открывается человеку, который сам себя не знает в силу ограниченности естественного восприятия, ограниченности своих органов чувств. Кинематограф своими сугубо техническими приемами раскрывает эту сферу, делая ее видимой: «... природа, открывающаяся камере – другая, чем та, что открывается глазу. Другая прежде всего потому, что место пространства, проработанного человеческим сознанием, занимает бессознательно освоенное пространство. И если вполне обычно, что в нашем сознании, пусть в самых грубых чертах, есть представление о человеческой походке, то сознанию определено ничего не известно о позе, занимаемой людьми в какую-либо долю секунды его шага... Сюда-то и вторгается камера со своими вспомогательными средствами...»¹².

И такое открытие шокирующе действует на человека, это определенная демистификация человека, как раскрытие его тайны, показ его «обнаженным», освобожденным от «одежд» не только воображаемого, собственно естественного зрения, но и в определенной мере символического, внешнего как оно есть. Именно таким человек предстает через объектив уже не игрового кино, а на мониторах камер наблюдения, ставших неотъемлемым атрибутом повседневности, рентгеновском аппарате, отсылающем к фукианскому знанию-власти, или сканирующей аппаратуре таможенных служб. В терминах Дж. Агамбена это столкновение с *homo sacer*, локализованном в пространстве лагеря¹³.

Но также в практически диалектическом единстве противоположностей «Реальное» техники, травматический опыт столкновения с «голой жизнью» в пространстве медиа сопрягается с символизацией в ее гипертрофированной форме симулятивной реальности. Понимание последней было бы неполным без осознания этой связи, равно как и природы насилия. Славой Жижек раскрывает эту связь, говоря о сложном соотношении фантазии и Реального: «... соотношение между фантазией и ужасом Реального намного более двусмысленное, чем это может показаться: фантазия призвана скрыть ужас, в то же время она и создает то, что предназначено спрятать, именно ту базисную точку, которую пытаются подавить в сознании»¹⁴. Фантазия есть то, что маскирует объект, но одновременно раскрывает его в символической ткани повествования. Потому рост техники неразрывно связан с ростом символической реальности, что отражает, пусть и наиболее

⁹ Мы закавычили несколько измененные формулировки Бенямина поскольку они изменены только в окончаниях. Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 201-202.

¹⁰ См. высказывания о кинематографе Дзиги Вертова и С. Эйзенштейна. Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.12.2012), Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTEN/s_bronenosec.txt (дата обращения: 22.12.2012).

¹¹ Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999г. – М., 2009. – С. 36.

¹² Бенямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012. – С. 222.

¹³ См.: Агамбен Дж. *Homo sacer*. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.

¹⁴ Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012. – С. 39.

наглядно, общий процесс структурной экономии желания, которое инвестируется в объекты как объекты желания при посредничестве символического универсума¹⁵.

Снова речь о возвращении или об архаике и мифе как фантазийном элементе реальности, которая нас никогда не покидала и даже более того, она сохраняется и продолжает «жить» в технике. Миф всегда рядом как бессознательное, простая и наиболее эффективная форма человеческого бытия. В этом смысле идея об архаизации современности действительно имеет под собой основание, в том числе благодаря развитию техники. Важно то, что миф и насилие связаны в аспекте простоты кода или непосредственной данности знака¹⁶. Именно миф устанавливает знак через насилие. От простого знака к букве разворачивается означивание или символизация реальности, собственно человеческого универсума.

Почти о том же пишет Д. Кампер: «Если понимать жизненную и историкородовую доминанту знака как выражение перворанения, то понятна точность, с которой человечество, пересекая языковые и культурные границы, повторяло и повторяет через тысячелетия свои абстракции... Стоит задуматься о сетке, которая структурирует ткань, о крестах, которые одновременно образуют систему координат и знаки страдания, о кругах, которые позволяют отделять родину от чужбины, о контурах звериных и человеческих фигур, которые почти неподвластны влияниям»¹⁷. Вся дикость и непонятность в смысле недостаточности сигнификации в архаике восходит к элементарности пустого знака насилия. Это и есть в некотором смысле «перворана» (термин Д. Кампера) во всей ее непостижимости вне мифа, за пределами которого разворачивается нарратив как собственно история, а значит память, повествование о легитимном и нелегитимном, структурном и символическом. Но при этом насилие не только с необходимостью «связывает», что можно понимать довольно широко, в том числе и как возникающая связь символического и системного насилия или установление связей между мифическим первонасилием как бессознательным легитимной власти нуждающейся в своем антиподе. Всегда сохраняется возможность отклонения, некий неустранимый клинамен как случайность, роковая ошибка. Мы же позволим предположить, что насилие не только связывает или осуществляет захват реальности, но действует также противоположным образом.

На уровне теоретического насилия указанный аспект проявляется как недостаточность, недоопределенность насилия в общем. Как неустранимая Нехватка символического универсума, покрывающего нечто Реальное в категориях Ж. Лакана или неполнота и сбой структурного присвоения насилия у С. Жижека.

Список литературы

1. Агамбен Дж. Homo sacer. Что остается после Освенцима: архив и свидетель. – М., 2012.
2. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Учение о подобии. Медиаэстетические произведения. – М., 2012.
3. Борисов С.Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука Искусство Культура. Выпуск 1., 2012. – С.139-144.
4. Вертов Д. Вариант манифеста «Мы» URL: http://www.vertov.ru/Dziga_Vertov/ (дата обращения: 22.12.2012).
5. Жижек С. Чума фантазий. – Харьков, 2012.
6. Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей. – СПб., 2010.
7. Киттлер Ф. Оптические медиа. Берлинские лекции 1999 г. – М., 2009.
8. Маклюэн М. Средство само есть содержание // Информационное общество. – М., 2004.
9. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. – М., 2001.
10. Сергей Эйзенштейн. Броненосец «Потемкин», 1925. С экрана в жизнь URL: http://lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTAJN/s_bronenosec.txt (дата обращения: 22.12.2012).
11. Тавризян Г.М. Философы XX века о технике и «технической цивилизации». – М., 2009.

¹⁵ Там же. С. 40.

¹⁶ Борисов С.Н. Насилие – миф – религия: о механизмах локализации насилия в традиционной культуре // Наука Искусство Культура. Выпуск 1., 2012. – С.139-144.

¹⁷ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей. – СПб., 2010. – С. 31-32.

VIOLENCE AND TECHNICS. FROM ORGANOPROJECTION TO SIGHT VIOLENCE

S.N. BORISOV
V.Y. MISHENIN

*Belgorod National
Research University*

e-mail: SBorisov@bsu.edu.ru

The paper regards the issue of inter-relation between violence and techics. The techics is observed as both a tool of violence and de-humanized result of the human activity with the menacing character. The latter dimension leads to the interpretation of the sight as violence, and even a symbolic violence. This aspect is discussed in terms of the ideas of S. Zizek, G. Agamben, D. Kamper.

Keywords: violence, techics, human being, culture, symbol, myth.